

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

1 9 5 4

ЗАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПЕСНЬ НАД ВОДАМИ

трилогия

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕКИ ГОРЯТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

1 9 5 4

Авторизованный перевод с польского
Е. УСИЕВИЧ

Издание осуществляется под редакцией
С. ЕВГЕНОВА

ПЕСНЬ НАД ВОДАМИ
ТРИЛОГИЯ

*Постановлением
Совета Министров Союза ССР*

*ВАСИЛЕВСКОЙ
ВАНДЕ ЛЬВОВНЕ*

*за трилогию «Песнь над водами»
(«Пламя на болотах»,
«Звезды в озере», «Реки горят»)
присуждена*

*СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
второй степени
за 1951 г.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ РЕКИ ГОРЯТ

Глава I

Ядвига с трудом протискивалась сквозь толпу, забившую вокзал. За путями, на пустырях, под заборами, в закоулках между железнодорожными строениями раскинулся огромный бивуак. Люди сидели на узлах и чемоданах, метались во все стороны, таскали откуда-то щепки, уголь, и в воздух взвивались дымы костров. «Маня! Маня!» — то ближе, то дальше кричал отчаянный женский голос, словно ножом разрезая слитный гул стоголосой толпы.

Ядвига кутала в шаль своего сына. День был теплый, но ребенок, видно, совсем расхворался. Он тяжело висел у нее на руках. Руки деревенели, — казалось, ребенок выскользнет из них. Но Ядвига боялась даже поправить его — при каждом движении помутившиеся, невидящие детские глаза болезненно жмурились, а из запекшихся губ вырывался слабый дрожащий стон и отдавался в сердце Ядвиги, как внезапный удар. Она старалась ступать осторожно, тщательно сторонилась людей и со страхом думала, что ее могут задеть, толкнуть и тогда опять протяжно застонет ребенок.

Да, ему становилось все хуже. Еще вчера утром он играл и смеялся и только к вечеру начал плакать,

отказываясь от еды. А теперь он весь горит и как будто совсем перестал узнавать ее. Она нашептывала ему нежные слова, уговаривала, что все будет хорошо, найдется врач, посоветует, поможет. Но этим шепотом она утешала только себя, идя в толпе, которая выносила ее из тесного вокзала на широкую улицу.

Расспрашивать о дороге не пришлось — все торопились в одном направлении, к польскому посольству. Улица выглядела так, словно по ней двигалась огромная процессия, хотя в ней был самый разный и случайный люд, бредущий с вещами, идущий налегке. Где-то тут же рядом с Ядвигой одноногий человек упрямо стучал костылем по выщербленным плитам узкого тротуара. Многие шли прямо по грязной мостовой.

— Поезда уже сформированы, — сказал кто-то.

— Не знаю только, кто в них попадет, — ответил ему сердитый, нетерпеливый голос. — Видел, что на вокзале делается?

— Черт бы их побрал с их порядками...

Ядвига, как сквозь туман, слышала обрывки разговоров, проклятия, внезапные взрывы смеха, плач девочки, не поспевающей за матерью.

— Осторожней! — почти крикнула Ядвига, когда какой-то усатый субъект бесцеремонно толкнул ее плечом.

Он возмутился:

— Скажите, принцесса какая! И чего вы прете с ребенком? Вот народ — прямо как бараны... Поезда стоят, так нет того, чтобы подождать, пока придут и разместят по вагонам, все лезут в посольство, будто там золотые часы раздавать будут...

— Хоть бы хлеба дали, — откликнулась какая-то дамочка в калошах на босу ногу. — А уж без часов как-нибудь обойдемся.

— Хлеба... Уж союзнички похлопочут, чтобы хлеба не было... Уморят они нас голодом в дороге, вот увидите.

— Что же вы сами-то на вокзале не дожидаетесь, а тоже в посольство прете? — насмешливо спросил

мрачного усача тощий верзила в фуражке со сломанным козырьком.

Усач покраснел.

— Стало быть, дело есть.

— У каждого дело есть, — вмешалась дама, шлепая калошами, на каждом шагу спадающими с ее босых ног. Слух Ядвиги ловил это мерное шлепанье калош. Она не понимала, не слушала, что говорят. Все проходило мимо сознания, и невольно она ждала лишь очередного чавканья калош. Этот звук стал казаться признаком, что она идет, куда надо, — ведь дама в калошах сказала, что у нее дело в посольстве. Нужно было только прислушиваться к ее шагам, не терять их звука среди говора толпы, назойливо звучащего вокруг.

Только бы добраться до посольства...

Но это оказалось не так-то легко. Перед зданием посольства стояла толпа. Лестница тоже была забита людьми. Кипели ссоры и пререканья.

— Куда вы лезете, мадам?

— Какого черта за два часа очередь с места не сдвинулась?

— А с чего ей двигаться? Никого не принимают.

— Как так, не принимают! Это еще что за порядки? Люди ждут...

— Ну да, и господин посол тоже только и ждет, когда вы, мадам, к нему явитесь.

— А чем ему тут еще заниматься?

— Вот именно!

Откуда-то сверху, с лестничной площадки, вдруг раздался голос. Повидимому, что-то объявили.

— Тише!

— Сам потише!

— Да успокойтесь же, черти драповые, там что-то говорят.

— Кто это черти, позвольте спросить?

— Ах, как мы нежно воспитаны!

— Еще бы! Ясновельможное панство в поселках хорошему тону обучалось, теперь к нему без палки и не подходи!

— Прошу пропустить меня, мне нужно немедленно! — кричала дама в шляпке.

— Уборная внизу, во дворе, к вашему сведению, раз вам так срочно.

— Хам!

— Ого-го-го!

Дама в шляпке бесцеремонно работала локтями. Вдруг она пронзительно вскрикнула:

— Послушайте, дорогой мой, я не могу пробиться! Сверху раздался повелительный голос:

— Господа, будьте любезны пропустить эту даму. На лестнице зашумели:

— Это еще почему? Все ждут.

— Не пускать ее, и все тут!

— Что это, надо в шляпке быть, чтобы туда попасть?

— Стоп, стоп, сударыня, не так бойко, — преграждал дорогу все тот же худой верзила в рваной фуражке.

Но сверху уже проталкивался молодой человек с черными, гладко прилизанными на прямой пробор волосами. Дама в шляпке ухватила за его рукав.

— Ах, дорогой мой, что это за люди, что за люди!

— Глядите-ка, люди ей не нравятся...

— А как же, в шляпке...

— Ясновельможная пани!

— Большевистские порядки хотят завести! — отчаянно пискнула дама в шляпке, буксируемая сильной рукой прилизанного юнца.

— Это мы-то большевистские порядки заводим? А вы, мадамочка, где были, когда мы по тюрьмам гнили?

— Там небось шляпок с перышками не выдавали.

Ядвигу притиснули к стене у дверей, приоткрытых в какую-то переднюю. В эти двери никого не пропускали, прорвалась только дама с перышком. Ребенок как будто спал. Ядвига боялась его выронить, ее ноги подгибались, — пожалуй, даже лучше, что такая давка, а то бы она, наверно, упала. Голова кружилась, грязную лестничную клетку словно затянуло туманом.

— Не курите, господа, выдерж этой махорки...

— А вы, сударыня, угостите «Египетскими», тогда мы махорку бросим.

— Уж так нежно воспитаны, говорю тебе, Франек, так нежно воспитаны! Не где-нибудь, а в поселках, на кизьяках. Они там к таким ароматам привыкли, что теперь — ну никак...

— И зачем только вас, мама, понесло ехать? — ворчал в сторонке срывающийся юношеский голос. — Могли бы спокойно сидеть на месте, подождать, пока вся эта толкотня прекратится.

— Молчи, Марцысь, — отвечал женский голос. — Ведь все едут.

— Сперва вы поднимали крик, что надо готовиться к зиме, а когда мы все приготовили, тут вас и понесло куда-то...

— Господи, господа, с вами вечно... Владек там тоже, наверное, не смотрит за вещами, а где-нибудь шатается.

— Да бросьте волноваться, мама. И так нас со всеми вещами в поезд не пустят, вот увидите.

— Что ты болтаешь? Как это «не пустят»? Уж я им скажу... Что это такое? Голые, босые должны ехать, что ли?

— Ну уж, голые, босые...

— Перестань, Марцысь, говорю тебе... Боже, боже, вечно у меня с вами...

— Тише!

Снова раздался голос молодого чиновника.

На этот раз Ядвига услышала:

— Господа, прошу не толпиться, прошу успокоиться... И вообще стоять здесь незачем. Господин посол занят, никого не принимает и принять не может. Господин секретарь тоже занят. Поезда есть, ступайте на вокзал, мы всех по очереди отправим.

— То-то и есть, что «по очереди»! А когда очередь придет?

— Три дня женщины с детьми под открытым небом дожидаются!

— Есть нечего!

— Господа, продукты выдают только на вокзале. Все вопросы разрешаются на месте, на вокзале. На вокзале работает представитель посольства...

— Да ведь мы с вокзала и идем, никакого представителя там нет.

— Где он, этот представитель?

— Господа, повторяю еще раз, прошу не толпиться! — вышел из себя молодой щеголь, и прядка лоснящихся черных волос отделилась от прилизанной прически, смешно подрагивая над темными бровями. — Здесь вы, господа, ничего не выстоите. Прошу возвратиться на вокзал и терпеливо ожидать.

— Вам-то хорошо говорить «терпеливо»!

— Смотрите на него, какой...

— Чего ожидать?

— Я уже сто раз вам говорил: поезда отправляются один за другим. Здесь вы можете дожидаться только того, что поезд отойдет без вас. Прошу идти на вокзал.

— Идемте, мама, я ведь говорил вам...

— Боже, боже, какие дети! Вечно с вами что-нибудь... Ну что ж, идти так идти... — Женщина, слишком укутанная для теплого осеннего дня, стала медленно выбираться из толпы. — Не толкай меня, Марысь.

— Да я вас вовсе не толкаю. Вы вот зря здесь толкались, мама.

— Ну никакого уважения к матери нет.

На лестнице стало просторнее. Бормоча под нос или громко ругая неведомо кого, люди один за другим спускались вниз. Толпа вокруг выложенного юнца поредела. Ядвига робко тронула его за рукав.

— В чем дело? Я же сказал...

— Ребенок, ребенок заболел... Доктора бы...

— Я сто раз говорил — на вокзале! В поезде. И врач, и все. — Он уже хотел отвернуться, но что-то во взгляде Ядвиги остановило его. Темные глаза умоляюще смотрели с исхудавшего, изможденного лица. Он нехотя бросил взгляд на ребенка. Дитя как будто спало, но веки были сомкнуты неплотно, и сквозь них виднелась мутносиняя, словно расплывшаяся во весь белок радужная оболочка.

--- Ну что ж, я дам вам записку, чтобы вас посадили в первый же эшелон. Только поторопитесь, он должен часа через два отойти.

Он вытащил блокнот и авторучку и тут же нацарапал несколько слов, скрепив их подписью с энергичным росчерком.

— Там и врач и все необходимое. Вы поедете сразу, без всякой задержки.

Она медленно шла обратно. Разве дело в записке? Как поедет она с больным ребенком? Ведь малыш и вчера стонал при каждом толчке, при каждой остановке поезда. Вот если бы можно было уложить его спокойно, развернуть, снять с него все эти платки и шали, не бояться все время, что вот-вот он опять застонет... Надо было объяснить все это тому элегантному молодому человеку — может, он сжалился бы над ребенком. И возможно ли, чтобы там вовсе не было врача? Пусть бы по крайней мере сказал, что это за болезнь... Что могло вдруг случиться с ребенком? Ведь он был совсем здоров, когда они выезжали. И вообще до сих пор никогда не болел. Только раз у него заболело ушко. Но тогда ей дали подводу, она съездила в районный центр, там осмотрели, вычистили, дали лекарство — и ребенок скоро выздоровел. А теперь? Надо было добиваться, чтобы ей разрешили не ехать, остаться на время с ребенком где-нибудь в городе, дожидаться улучшения.

Вернуться разве? Но она отошла уже довольно далеко и не в силах была столько пройти.

Теперь уже двигались две толпы по двум направлениям — от вокзала к посольству и от посольства к вокзалу.

— Что это за река? — спросил мальчик, одетый в нарядную матроску, но босой и в рваных штанишках. Идущая с ним женщина не знала.

— Да ведь это и есть ихняя Волга, — объяснил кто-то.

Ядвига невольно подняла глаза и взглянула налево. Улицы в эту сторону понижались, спускались вниз, а там широко разливалась огромная, величественная река. За ней тонула даль в лиловой мгле, в голубом

тумане, в серебристо-серой тени. Оттуда веяло сонной тишиной, кроткой улыбкой осеннего солнечного дня. Ах, не толкаться бы в толпе, забывшей вокзал, не трести малыша в грохочущей и шаткой теплушке, а пойти с ним в эту лиловую ласковую и кроткую даль, в этот тихий мир, прозрачный, как далекая детская сказка, когда-то слышанная и давно забытая.

Но лиловая даль была недостижима, она раскинулась за широкой, мощной рекой, равнодушно катящей свои сверкающие волны. А вскоре и река и необозримые просторы по ту сторону ее скрылись за рядами домов. Перед Ядвигой снова был вокзал, и уже издали до нее доносился нестройный звук голосов, сливающихся в один сплошной шум.

Представитель посольства и вправду был на вокзале. Он перебегал с платформы на платформу, что-то кричал охрипшим голосом и отчаянно вырывался из рук, которые хватались за полы его светлого демисезонного пальто. Он яростно отмахнулся от Ядвиги. И только советский железнодорожник указал ей, куда надо идти.

— Прямо, прямо, а потом направо. Скоро и посадка начнется.

Вагоны были еще заперты. Ядвига бессильно присела на какие-то железные балки или рельсы, лежащие между путями. В глазах мелькали разноцветные пятна. Она осторожно положила ребенка на колени. Спит, слава богу, спит... И вдруг ее охватил леденящий страх: а если не спит, а если он вдруг?.. Нет, нет, нельзя даже думать об этом, чтобы не накликать беды.

Маленькая головка беспомощно перекатилась вбок — и ребенка вырвало. Без усилий, словно грудного, срыгивающего излишек пищи. Ядвига тщательно обтерла платком запекшиеся губки сына. Наверно, он чем-то отравился. Может быть, молоко, которое она с таким трудом вчера достала, было не такое свежее, каким казалось. Может, даже хорошо, что его вырвало, — желудок очистился, ему станет лучше.

— Прошу вас, господа, не толкаться! Стать в очередь, листки держать в руках!..

Она вскочила. Ребенок снова застонал.

— Не надо, сыночек, не надо, сейчас будем в вагоне, уложу тебя, дам чайку, — шептала она, словно малыш, который опять засыпал, только и ждал холодного чаю из бутылки, которую она несла в узелке.

У вагона сразу же начался скандал.

— Куда вы лезете? Листок, я сказал! Листок с номером эшелона! Где у вас листок?

— Какой еще ко всем чертям листок?

— Да ведь выдавали листки, на вокзале выдавали! Чего вы стали на дороге? Посторонитесь!

— Сами, мадам, посторонитесь! Поезд для всех.

— Все в один не влезут, на то и очередь.

— Прошу отойти. Я буду впускать только тех, у кого есть листки с номером эшелона. С номером пять.

— А где было взять листок?

— Да не мешайте же! Люди с утра в очереди стояли, получали листки, а этот пришел на готовое! Эй вы, господин, хватит нянчиться с ним, он тут всех задерживает.

Высокого субъекта без листка оттолкнули в сторону от дверей. Сзади толпа так напирала, что плотная женщина в ватной кофте — та, что спорила с сыном в посольстве, — едва не рухнула с приставной деревянной лесенки.

— Спокойней, прошу вас, спокойней, по очереди!

Оказалось, что в вагоне уже есть пассажиры, несмотря на то, что он был заперт. В углу, поближе к железной печке с изогнутой ржавой трубой, уже устроилось на грудах узлов несколько человек.

— Ого, да тут уже сидят...

— Это каким же чудом?

Стоявший в дверях представитель посольства грозно обернулся:

— Это никого не касается. Раз сидят, значит имеют право. Следующий, пожалуйста!

— Не касается... Опять какая-нибудь протекция?..

— А вы когда-нибудь видели, чтобы обходилось без протекции?

— Попрошу без замечаний! — заорал опять контролер. — А это еще что? Где номерок?

— У меня записка, записка из посольства... — робко сказала Ядвига.

— Ага, записочки из посольства... — язвительно заметил кто-то. — Значит, не обязательно номерок, годится и записочка?

— Ну, разумеется, одни с утра должны стоять в очереди, а другие...

Но Ядвига словно не слышала этих попреков. В вагоне было еще довольно просторно, она быстро нашла место на охапке соломы, опустилась на нее и только тогда почувствовала, как невероятно устала. Рука, на которой лежал ребенок, с трудом разгибалась. Узелок, который она с собой таскала, натер ей другую руку, оставив на ней широкую синюю с кровоподтеками полосу.

Она хотела напоить ребенка, но это не удалось. Холодный бледный чай вылился из угла рта, — малыш даже глаз не открыл. Между неплотно сомкнутыми веками виднелась стеклянная полоска белка и краешек мутносиней радужной оболочки. Ядвига прислонилась головой к стене теплушки. Вокруг нее шумели, толпились, искали мест все прибывающие пассажиры.

— К черту с этим барахлом, — волновался кто-то. — Завалили весь вагон. И откуда столько набрали? Как, еще корзина? Вам бы надо отдельный вагон себе заказать.

— Вот видите, мама, — услышала Ядвига уже знакомый голос.

— Ставь, ставь чемодан, — послышался ответ. — Здесь будет удобнее. Владек, да побойся ты бога, где же тот узел, что в одеяле?

— Какой еще узел?

— Ну, не горе ли с этими мальчишками?.. Который в сером одеяле. Оставил? Выскочи-ка поскорей... Боже, боже, наверно уже украли...

— Да чего вы, мама, мечетесь? Вот он лежит, ваш узел...

— Мой? Почему мой? Такой же твой, как и мой.

— Нет уж, мне вы этого барахла не навязывайте. Говорил я, не тащите всякой рухляди, а вы...

— Ох, уж эти дети... — застонала женщина и стала